

Комната первоначального владельца была почти такой же, как главная спальня в Южаныцзюй. Поскольку решение остаться было принято внезапно, одежда, которую надел Чу Хуайчжоу, была абсолютно новой, но сшитой по меркам Отца Гу.

Приняв душ, Гу Шэньюань полусидел в постели, укрывшись одеялом, и ждал Чу Хуайчжоу.

Чу Хуайчжоу вышел из ванной в пушистой пижаме. Его лицо покраснело от горячего пара, а с волос еще капали капли воды, отчего так и хотелось над ним подшутить.

В тот самый момент, когда Гу Шэньюань поднял взгляд и увидел его, в его голове промелькнуло словосочетание: «аппетитная красота».

— Подойди, — хриплым голосом позвал Гу Шэньюань Чу Хуайчжоу.

Чу Хуайчжоу послушно подошел к краю кровати и, подчиняясь усилию руки Гу Шэньюаня, который потянул его за руку, сел спиной к нему. Он послушно сидел, пока Гу Шэньюань сушил ему волосы.

У Чу Хуайчжоу были очень мягкие волосы — под стать его собственному характеру. Пальцы Гу Шэньюаня скользили сквозь его темно-каштановые пряди, нежно перебирая их, пока волосы полностью не высохли. Все это время они не произнесли ни слова.

Закончив сушить волосы, Гу Шэньюань отложил фен и целиком заключил Чу Хуайчжоу в объятия, усадив себе на колени. Тот прижался к его плечу, и они тесно прижались друг к другу, не оставляя между собой ни единого зазора. Одной рукой Гу Шэньюань поддерживал Чу Хуайчжоу за спину, а другой поглаживал его по задней части шеи.

— Малыш, ты помнишь, что в деле о похищении тринадцать лет назад ты познакомился с мальчиком-подростком? Чу Хуайчжоу с недоумением поднял голову:

— Братик... Тот красивый братик — это... братик?

Шэньюань кивнул.

— Значит... всё то время, что братик был так добр ко мне раньше, — это только из-за того дела с похищением?

— Нет. Всё хорошее, что братик делал для Сокровища раньше, никак не связано с похищением. Просто раньше братик перепутал человека, поэтому должен извиниться перед Сокровищем.

— Кого же братик принял за меня?

— Сун Фэнлина. Он тоже был в том деле с похищением. Я спрашивал его, и он не стал отрицать. Но я увидел твои детские фотографии и только тогда понял, что ошибся.

— Прости, братик опоздал и позволил моему Сокровищу столько натерпеться.

— Братик изо всех сил старался найти меня, и к тому же всё это время был очень добр ко мне, так что я не виню братика.

В детстве он тоже цеплялся за обещание, данное тому мальчику, но время шло так долго, что он уже всё забыл. Однако братик ничего не забыл и не сдался — он изо всех сил продолжал поиски, и с него этого достаточно.

— Сокровище хочет узнать, почему вы с Сун Фэнлином поменялись местами?

— Разве нас не перепутали в больнице при рождении? Гу Шэньюань протянул телефон Чу Хуайчжоу и открыл документ.

Чу Хуайчжоу вчитывался, и с каждой строчкой его охватывало всё большее замешательство: он знал каждое слово по отдельности, но вместе они складывались в нечто непостижимое.

Видя, как из его глаз невольно капля за каплей катится слеза за слезой, Гу Шэньюань до боли в сердце сжался, прижал его к груди и принялся гладить по голове:

— У моего сокровища есть я, моё сокровище так настрадалось... Во всём виноваты они, это они поступили плохо.

Правда оказалась жестокой, но Чу Хуайчжоу, от начала и до конца бывший жертвой в этой истории, не должен был жить с чувством вины — люди из семьи Чу вовсе не стоили того, чтобы Чу Хуайчжоу из-за них терзался.

Чу Хуайчжоу смотрел на экран. Они ведь всегда знали его истинное происхождение. Папа и мама, которым он так слепо верил, на самом деле положили начало его искалеченной судьбе. Стоило Сун Фэнлину жить хорошо, как он достаивался полной вины любви родителей; стоило же Сун Фэнлину столкнуться с трудностями, как Чу Хуайчжоу тут же начинал страдать от холодности родителей из-за своих кровных отца и матери.

Гу Шэньюань бережно стер с его лица слёзы.

Узнанная правда обрушилась на него, словно ушат ледяной воды.

— Они все меня не любят, никто из них не хочет меня...

— Они приняли рыбий глаз за жемчуг, но в конце концов они понесут заслуженное наказание за свой выбор.

Гу Шэньюань взял его за лицо и произнёс со всей серьёзностью:

— Я очень люблю моё сокровище, мама и папа тоже очень его любят. Теперь моё сокровище принадлежит семье Гу, ты вовсе не брошенный. Ты нужен мне, нужна семья Гу. Запомни это раз и навсегда и никогда не забывай, понимаешь?

— ...Понимаю, — всхлипывая, ответил Чу Хуайчжоу.

Гу Шэньюань снова крепко обнял его, выпуская успокаивающие феромоны, и снова и снова мягко гладил по спине, молча дожидаясь, пока тот успокоится. Чу Хуайчжоу уткнулся лицом ему в шею.

Чу Хуайчжоу лишь чувствовал, как чудесно пахнет в объятиях старшего брата, и, убаюканный ароматом зелёного лайма, крепко заснул.

На следующее утро мягкие лучи солнца пробились сквозь неплотно задернутые шторы и упали на спавших мужчин.

Проснувшись, Гу Шэньюань почувствовал разлитый по комнате густой аромат белого персика — феромоны Чу Хуайчжоу. Затем он заметил неестественно красные щеки Чу Хуайчжоу и, потрогав его лоб, обнаружил, что тот горит.

— Сокровище, проснись! Чжоу-чжоу!

— М-м... Брат, спать хочу... — сонно бормоча, Чу Хуайчжоу сильнее прижался к груди Гу Шэньюаня. — Сокровище, не спи пока, ты горишь, и твои феромоны тоже вышли из-под контроля.

Голос Гу Шэньюаня стал взволнованным и хриплым, феромоны Чу Хуайчжоу уже начали оказывать на него влияние.

[Хозяин, у бедняжки начался особый период, который бывает только у омег.]

[Особый период?]

[Особый период у омег вызван гормональным сбоем. Вчера бедняжка пережил слишком сильные эмоциональные потрясения, а его тело к тому же слабое, что и спровоцировало течку. Хозяин может сделать бедняжке инъекцию подавителя, но здесь рекомендуется сделать временную метку! Постоянная метка тоже неплохой выбор! Степень совместимости феромонов хозяина и бедняжки составляет сто процентов, после того как вы поставите ему метку, бедняжка сможет стабильно пережить этот особый период.]

— Сокровище, подожди здесь немного, я пойду поищу тебе подавитель.

Гу Шэньюань только шевельнулся, как Чу Хуайчжоу схватил его за руку. До того как его отравили, Чу Хуайчжоу уже переживал подобное, поэтому он знал, что его особый период настал.

— Братец... Мне нужны феромоны братца... Братец, поставь метку. Сокровищу ведь хорошо?

— Сокровище понимает, о чём говорит?

— Братец больше не любит сокровище? Почему ты не хочешь поставить метку сокровищу?

Чу Хуайчжоу чувствовал, что Гу Шэньюань отказывает ему, и с обиженным выражением лица прижался к нему, капризничая:

— Братец, мне так плохо, братец, пожалей. Пожалей сокровище, хорошо?

Эта фраза прозвучала словно бомба, в голове Гу Шэньюаня зазвенело, и от его остатков здравого смысла ничего не осталось.

— Сокровище, это твой собственный выбор, потом нельзя будет пожалеть.

С этими словами он заключил его в объятия и постепенно стал делиться с ним своими феромонами с ароматом лайма.

В тот момент, когда хлынули феромоны, Чу Хуайчжоу почувствовал опасность и захотел убежать.

Но Гу Шэньюань крепко обнял Чу Хуайчжоу, не позволяя ему шевелиться.

Чу Хуайчжоу чувствовал лишь, как всё его тело наполняется странными ощущениями, однако по мере притока феромонов на душе становилось всё более и более умиротворённо.

Временная метка длилась недолго, когда всё закончилось, Чу Хуайчжоу совершенно обессиленный обмяк в объятиях Гу Шэньюаня, а после того, как его напоили водой, он вскоре крепко заснул.

Гу Шэньюань подождал, пока его состояние стабилизируется, и только тогда встал.

Гу Шэньюань сидел на краю кровати, глядя сверху вниз на спящую омегу со счастливой улыбкой на лице.

Гу Шэньюань ощутил всю магию метки — это было так, словно любимого человека вправили в собственное сердце, связав жизни воедино.

Когда Чу Хуайчжоу проснулся, было уже двенадцать часов. Обнаружив, что братца нет рядом, Чу Хуайчжоу почувствовал лёгкую обиду и не удержался от слёз.

Когда Гу Шэньюань вошёл с едой, он застал своего малыша сидящим на кровати с растрёпанными волосами и не перестающим плакать.

Его покрасневшие глаза были полны слёз, капли стекали по щекам, и вид у него был такой, будто его жестоко обидели.

Увидев это, Гу Шэньюань поспешно поставил еду на прикроватную тумбочку, уселся на постель и принялся стирать с его лица слёзы.

— Сокровище, из-за чего ты плачешь, м?

Чу Хуайчжоу крепко обнял его за шею и глухо спросил:

— Братец, можно тебе не бросать меня?

— Я никогда не брошу сокровище.

Гу Шэньюань усадил его к себе на колени и произнёс:

— Сокровище голодно? Давай сначала перекусим, хорошо?

Чу Хуайчжоу послушно прижался к нему и кивнул.

Чувство обиды исчезло, и когда Чу Хуайчжоу осознал, что братец держит его на руках, утренние воспоминания внезапно закружились в его голове непрерывным потоком, отчего он до такой степени смутился, что захотел спрятаться под одеяло.

Но разве Гу Шэньюань позволил бы ему ускользнуть? Он прижал его к себе покрепче и сказал:

— Не двигайся, води себя тихо.

— Отец приготовил для тебя комплект одежды, поешь и сразу примеришь, посмотришь, понравится ли, — говорил Гу Шэньюань, продолжая кормить Чу Хуайчжоу вонтонами.

Свежеприготовленные вонтоны со свиной начинкой были в тонком тесте и с обилием начинки — плотным, сочным и нежным мясом. Каждый кусочек был крупным, а бульон для вонтонов — наваристым, с плавающими островками зелёного лука, напоминавшими одинокую лодку посреди моря, украшавшую картину самым безупречным образом.

Чу Хуайчжоу жевал вонтоны и согласно кивал.

Отец Гу подготовил для Чу Хуайчжоу фиолетовый свитер с высоким горлом в сочетании со свободным джинсовым комбинезоном и белым длинным халатом.

Свитер с высоким горлом как раз прикрывал зеленоватую временную метку Гу Шэньюаня. Заметив это, когда Гу Шэньюань помогал Чу Хуайчжоу приводить одежду в порядок, он хоть и испытал лёгкое недовольство, но возражать не стал.

Книги для сегодняшних занятий в школе Гу Шэньюань одолжил для Чу Хуайчжоу у Гу Цзяньяо.

Статус Гу Цзяньяо как младшего сына семьи Гу в школе держался в секрете, поэтому Чу Хуайчжоу узнал об этом только вчера.

В школе знали лишь то, что он — богатый красавчик. В этом мире столько людей носят фамилию Гу, к тому же Гу Шэньюань больше походил на Мать Гу, а Гу Цзяньяо — на Отца Гу, и выглядел он куда более наивным и простым, так что никто и не думал связывать его с влиятельным высшим кругом семьи Гу.

Ну а Гу Цзяньяо, узнавший вчера вечером от Мати Гу о происхождении своего невестки и глядя теперь на Сун Фэнлина, похожего на надутую павлина, находил в нём изъяны со всех возможных сторон.

Он считал, что все в клане Сун чокнутые, и держался от них подальше, опасаясь подхворить заразу и в итоге быть выгнанным из собственного дома родным папашей.

После этого он просто уселся за парту, не обращая внимания на окружающую их суету.

<http://bllate.org/book/22218/2317629>